

унылая дорога» [22, с. 213, 216]. В «Последней ночи» также почти половина текста с трехсложником и четыре небольших вставки двусложника. В общем в том же духе построена речь в «Цветке Ивановой ночи». Мистика и помешательство героев — от Белого, но любопытны совпадения: еще у Дельвига частично метризована двусложником мистерия «Ночь на 24 июля» (как раз Иванова ночь), а у Вельтмана метризация часто встречается в произведениях если не с сумасшедшими, то с придурковатыми, не видящими действительность в истинном свете, *странными* героями.

Небольшие элементы метризации обоих типов встречаются в стихотворениях в прозе Александра Галунова, изданных в 1904 г. [23]. В предисловии к книге В. К. Станюковича «Путевой альбом» (1907) сообщалось, что «листы путевого альбома» печатались «в тесных рамках фельетонов» провинциальных газет или взяты «из записных книжек, долго лежавших в столе» [24, с. 3]; автор адресовал им метризованное трехсложником лирическое обращение [24, с. 3—4]. Но большинство из 25 лирических рассказов метризации не имеет. В одном — «Легенда голодного года» — в развернутой фразе соединены дольник и ямб, потом идет фраза-строка трехсложника [24, с. 53] — и все, только эта последняя фраза повторена в конце рассказа: «Крестится старый, бескровные белые веки моргают» [24, с. 55]. Рассказы «Тропинка», «Последние слова», «Статуэтка» (об очень древней, плохо сохранившейся *греческой* статуэтке — значимый для метризованной прозы «античный» ореол), «Проклятое место» [24, с. 73—75, 77—82] содержат значительную долю двусложниковой метризации. Для лирики чисто двусложниковая метризация не характерна, это скорее свойство манеры В. К. Станюковича. В рассказе «Береза» [24, с. 83—84] есть и дольниковая, и немного двусложниковой метризации, причем одна дольникова фраза заканчивается двумя колонами 2Я, которых достаточно, чтобы напомнить «Песню о Соколе»: «Из темных корней, погруженных в творящую землю, рвутся навстречу теплому солнцу потоки жизни, потоки соков» [24, с. 83]. В начале рассказа «Кариатида» [24, с. 85—86] преобладает дольник, далее идет обычная проза, в конце двусложник; в последней фразе сначала два колона 2Я (ритм «Песни о Соколе», а образность от «Песни о Буревестнике»), потом завершение обычной двусложниковой прозой: «И видно было при свете молний, как Ты, вся белая, неся венец, спокойно погрузилась в море» [24, с. 86]. Вообще лирические рассказы с метризацией занимают последнюю четверть сборника [24, с. 73—86], если не считать двух абзацев и повторения второго в «Легенде голодного года». Вероятно, метризованные вещи писались последними, как и отчасти метризованное предисловие, — около 1906 или в 1907.

В «философском стихотворении в прозе» [25, с. 3] Н. М. Сомова «Снег» (1908) метризована двусложником одна фраза-абзац, придающая оттенок патетики сообщению о друзьях, которые вывели «на воздух, на простор» девушку Розу, отвадив ее от мыслей о самоубийстве: «Нас было четверо, мы скоро шли» [25, с. 4]. Местами слегка метризована двусложником [26, с. 230—233] и совсем чуть-чуть трехсложником [26, с. 234] ответственная первая картина драмы Л. Н. Андреева «Анатэма» (1909) с сатаной у врат, знаменующих предел умопостигаемого мира.

Что же касается А. Белого, то он в своем сознании шел к метризованной прозе безусловно от стиха [27, с. 451—453, 458]. Вяч. Вс. Иванов пишет о его «Симфониях» как о «лежащих на границе между стихом и прозой» [28, с. 342]. Это верно, но далеко не в равной степени для всех четырех. М. Л. Гаспаров видит своего рода «рифмованную прозу» в стихотворении 1902 г. «Душа мира» и поэме 1918 г. «Христос воскрес» [3, с. 273—274; 4, с. 13—14; 27, с. 451—453], однако даже с большим основанием так можно было бы назвать уже некоторые места «Северной симфонии (1-й, героической)», написанной в 1900 г. и напечатанной в 1904. В стихотворениях и поэме все-таки запись столбиком (хотя «почти» каждое слово вынесено в отдельную строчку. А это значит, что специфически стихового, не совпадающего с языковым членения на соизмеримые